

всѣ будутъ довольны. Генераль для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты, на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ генерала Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку, и объявилъ имъ, чтобы они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ, съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока, осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску.¹⁾

„Вотъ все, что читалъ при мнѣ Гоголь изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, говоритъ Арнольди. Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ. Она рассказывала мнѣ послѣ, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проведенная свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за тридцать пять лѣтъ, она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, 1862 г., I, 74—79; ср. Шенрокъ, IV, 777, 893, 897, 911 и примѣчаніе 3.

вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей, ихъ окружающихъ, какимъ-то великимъ счастьемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга, и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и черезъ мѣсяць послѣ перваго признанія, они замѣчаютъ, что это была только вспышка, капризь, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе, опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать въ этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Сестра увѣряла меня, а С. П. Шевыревъ подтвердилъ, что характеръ этой женщины и вообще вся ея связь съ Платоновымъ изображены были у Гоголя съ такимъ мастерствомъ, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до насъ, потому что мы всѣ остаемся теперь въ томъ убѣжденіи, что Гоголь не умѣлъ изображать женскіе характеры; и дѣйствительно, вездѣ, гдѣ они являлись въ его произведеніяхъ, они выходили слабы и блѣдны. Это было замѣчено даже всѣми критиками¹⁾.

Арнольди не говорить, на сколько главъ было распредѣлено то, что читалъ при немъ Гоголь изъ второго тома. Но изъ его разсказа можно сдѣлать заключеніе, что Гоголь прочелъ при немъ только первыя двѣ главы новой редакціи второго тома поэмы: послѣдняя изъ слышанныхъ Арнольди главъ оканчивалась разсказомъ о сборахъ Чичикова для объѣзда родственниковъ генерала Бетрищева съ цѣлью увѣдомить ихъ о помолвкѣ Улиньки; въ предшествующей редакціи, преданной не сожженію, а забвенію, и сохранившейся для насъ, третья глава передаетъ читателю начало этого путешествія.²⁾ Первая глава новой редакціи, по словамъ

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 79—80.

²⁾ См. Сочиненія Гоголя, III, 321 и IV, 327.

Арнольди, заканчивалась хохотомъ генерала Бетрищева, т. е. тѣмъ, чѣмъ въ первоначальной редакціи оканчивалась вторая глава. ¹⁾ Такимъ образомъ, первая глава новой редакціи, если она по своему содержанію даже вполнѣ соотвѣтствовала сохранившимся для насъ 1 и 2 главамъ первоначальной редакціи (Арнольди говоритъ, что содержаніе 1-й главы было то же, что и въ прежней редакціи, только лучше обработано), по своему объему была довольно велика. ²⁾ И дѣйствительно, С. Т. Аксаковъ, слышавшій ту же новую редакцію 1-й главы, говоритъ, что она была очень длинна, и чтеніе ея продолжалось часъ съ четвертью. ³⁾ Также велика была, судя по тому, что даетъ намъ разсказъ Арнольди, и вторая глава. Но она вся для насъ утеряна. Арнольди говоритъ, что въ это время (въ іюнѣ 1849 года) второй томъ новой редакціи вчернѣ былъ уже почти готовъ. ⁴⁾ Это показаніе отчасти подтверждается тѣми свѣдѣніями, какія мы находимъ въ письмѣ И. С. Аксакова къ его отцу. Послѣдній писалъ своему отцу изъ Рыбинска отъ 30 августа слѣдующее: „Я получилъ на дняхъ письмо отъ А. О. (Смирновой), которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говоритъ, что не вѣлно; однако же кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, не весь, но то, что написано. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. „Какъ жаль, пишетъ она, что я не смѣю вамъ проболтаться о Муратовѣ (м. б., Мурозовѣ), Хлобуевѣ, Улинькѣ, Чаграповой, генералѣ Быстрищевѣ?“... и еще какая то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что написано и что только набросано, совершенно поблѣднѣлъ“. ⁵⁾

Въ августѣ 1849 года Гоголь читалъ первую главу новой редакціи въ семьѣ Аксаковыхъ въ ихъ имѣніи Абрамцево. Когда

¹⁾ Сочиненія Гоголя, III, 321 и IV, 326.

²⁾ Въ 38—42 страницы.

³⁾ Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 217.

⁴⁾ Русскій Вѣстникъ, 1862, 1, 64.

⁵⁾ Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 216.

Гоголь предложил прочесть имъ изъ второго тома, то Аксаковъ пришелъ въ большое смущеніе, онъ боялся за Гоголя, но съ первыхъ же страницъ увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ. ¹⁾ Послѣ этого чтенія Гоголь уѣхалъ въ Москву, и С. Т. Аксаковъ подъ вліяніемъ своего восторга написалъ ему письмо, въ которомъ говоритъ, что послѣ всего случившагося въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ онъ потерялъ-было вѣру въ дальнѣйшее существованіе творческаго таланта Гоголя. Ему показалось несомнѣннымъ духовное направленіе Гоголя съ искусствомъ. Теперь онъ видитъ, что ошибся. Талантъ Гоголя не только живъ, но и созрѣлъ. Онъ у Гоголя сталъ выше и глубже, что Аксаковъ и сказалъ сейчасъ же послѣ чтенія. Затѣмъ С. Т. Аксаковъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно прочитаннаго и признаетъ, что ему показался нѣсколько длиннымъ и натянутымъ разсказъ объ Александрѣ Петровичѣ. Тутъ же Аксаковъ говоритъ, что, по его мнѣнію, второй томъ написанъ, и что теперь остается послѣдняя отдѣлка. ²⁾

Такимъ образомъ работа у Гоголя подвигалась, хотя и медленно. 20-го октября 1849 года Гоголь извѣщаетъ Смирнову, что время у него летитъ въ занятіяхъ, и онъ не чувствуетъ, что хворъ, хотя онъ больше читаетъ, чѣмъ пишетъ. ³⁾ Но уже 28 ноября онъ ей же пишетъ, что у него „все лѣнливо и сонно. Работа движется медленно“. ⁴⁾ То же онъ пишетъ и Жуковскому отъ 14 декабря: „творчество мое лѣнливо“, хотя у него и является желаніе прочесть что-нибудь изъ „Мертвыхъ Душъ“ своему другу, чтобы ободриться. ⁵⁾ Въ январѣ 1850 года Гоголь опять читалъ первую главу въ семьѣ Аксаковыхъ, воспользовавшись

¹⁾ Записки о жизни Гоголя, II, 228—229.

²⁾ Русскій Архивъ, 1890, VIII, 187.

³⁾ Письма, VI, 492.

⁴⁾ Ibid., 493. Въ концѣ 1849 года Гоголь извѣщаетъ Жуковского, что скотина Чичиковъ едва добрался до половины своего странствованія (Новое изданіе, IV, 285).

⁵⁾ Письма, VI, 496—497; новое изданіе, IV, 288.

тѣми замѣчаніями, какія ему были сдѣланы послѣ перваго чтенія, и она показалась слушателямъ еще лучше. ¹⁾ И. С. Аксаковъ, возвратившись изъ Москвы въ Ярославль, писалъ отцу отъ 9-го января 1850 года: „Какъ же вы провели ночь эту послѣ чтенія Гоголя и моего отъѣзда?... Спасибо Гоголю! Все читанное имъ выступило передо мною отдѣльными частями во всей своей могучей красотѣ... Если бы я имѣлъ больше претензій, я бы бросилъ писать: до такой степени превосходства дошелъ онъ, что всѣ другіе передъ нимъ пигмеи“. ²⁾ И затѣмъ въ письмѣ отъ 12-го января, соглашаясь съ тѣми замѣчаніями, какія сдѣлалъ отецъ Гоголю, Ив. Аксаковъ восклицаетъ: „такъ все глубоко, могуче и огромно въ поэмѣ, что духъ захватываетъ“. ³⁾ 19-го января Гоголь прочелъ С. Т. Аксакову и его сыну Константину вторую главу. Въ письмѣ къ своему сыну Ивану—Сергѣй Тимофеевичъ говоритъ, что вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три онъ не могъ удержаться отъ слезъ. „Такого высокаго искусства показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь я только убѣдился вполне, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говоритъ въ первомъ томѣ“. ⁴⁾ Третью и четвертую главу Гоголь прочелъ С. Т. Аксакову въ періодъ времени съ конца января 1850 года по 13 іюня того же года. ⁵⁾ Но можно думать, что вчернѣ въ это время у него былъ набросанъ весь томъ. Такъ, отъ 21 января

¹⁾ Записки о жизни Гоголя, II, 230.

²⁾ Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 266—267.

³⁾ Ibid., 268.

⁴⁾ Ibid., 272—273; ср. Русскій Архивъ, 1890, VIII, 188, гдѣ Аксаковъ говоритъ, что 2-я глава была довольно отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ.

⁵⁾ Записки о жизни Гоголя, II, 230—231.

1850 года Гоголь пишет Плетневу: „всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ набросаны (принимая во вниманіе требовательность Гоголя), собственно написанныхъ двѣ-три, не больше, и потому конецъ дѣлу еще не скоро.“¹⁾ Также и Данилевскому Гоголь отъ 25 февраля 1850 года пишетъ, что не скоро II тому до печати.²⁾ Но 20 августа онъ извѣщаетъ Смирнову, что „если только милосердный Богъ приведетъ его силы въ состояніе полного вдохновенія, то второй томъ эту зиму будетъ готовъ“. ³⁾ Тутъ же онъ высказываетъ надежду, что осенью 1851 года будетъ печатать II томъ. Того же 20 августа онъ извѣщаетъ Толстого, что ему нужно зиму хорошо поработать, чтобы „приготовить второй томъ къ печати, приведя его окончательно къ концу. Покуда, слава Богу, дѣло идетъ еще не дурно. Когда я передъ отъѣздомъ изъ Москвы прочелъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которымъ знакомы были, какъ и вамъ, двѣ первыя главы, оказалось, что послѣдующія сильнѣй первыхъ, и жизнь раскрывается, чѣмъ далѣ, глубже. Стало быть, не смотря на то, что старѣю и хирѣю, тѣ же умственные силы, слава Богу, еще свѣжи“. ⁴⁾ 20-го сентября, поздравляя С. Т. Аксакова съ днемъ рожденія, Гоголь напоминаетъ ему объ ихъ взаимномъ уговорѣ—одному окончить къ осени 1851 года „Записки ружейнаго охотника“, а другому „Мертвыя Души“. ⁵⁾ 7-го ноября онъ пишетъ Шевыреву, что къ выходу второго тома нужно позаботиться о второмъ изданіи его сочиненій, которыхъ потребуютъ тогда очень много. ⁶⁾ 2-го декабря Гоголь уже сообщаетъ Плетневу, что въ концѣ весны или въ началѣ лѣта

¹⁾ Письма, VI, 500; новое изданіе, IV, 294.

²⁾ Письма, VI, 500.

³⁾ Ibid., 513; новое изданіе, IV, 348.

⁴⁾ Новое изданіе, IV, 348.

⁵⁾ Сочиненія Гоголя, найденныя послѣ его смерти (изд. Трушковскаго, М., 1855 года), стр. VI; ср. Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 272—273.

⁶⁾ Письма, VI, 515; новое изданіе, IV, 357.

1851 года онъ думаетъ приступить къ печатанію II-го тома, если будетъ на то Божья воля. Онъ находитъ даже, „что время, кажется, уже нѣсколько утомилось, головы хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ, но, по крайней мѣрѣ, уже, вѣрно, отрезвились настолько, чтобы имѣть терпѣніе и хладнокровіе выслушать, въ чемъ дѣло, а до сихъ поръ не подымались даже и руки къ изданію чего-нибудь“. ¹⁾ Къ этому же времени, вѣроятно, относится и его письмо къ Жуковскому, въ которомъ Гоголь его извѣщаетъ, что работа идетъ съ прежнимъ постоянствомъ, и хоть еще не кончена, но уже близка къ окончанію. ²⁾ 23 декабря 1850 года Гоголь пишетъ Смирновой, что утро (у него) проходитъ въ занятіяхъ: „не тороплюсь и осматриваюсь. Художественное созданіе и въ словѣ то-же, что и въ живописи, то-же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить къ ней, смотрѣть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь рѣзкое и не нарушается ли нестройнымъ крикомъ всеобщаго согласія“. ³⁾ Очевидно, наступилъ послѣдній періодъ работы — окончательной отдѣлки всего произведенія. ⁴⁾ Весь 1851 годъ уходитъ на поправки и упо-

¹⁾ Новое изданіе писемъ, IV, 361.

²⁾ Письма, VI, 499.

³⁾ Новое изданіе писемъ, IV, 366.

⁴⁾ Въ черновомъ прошеніи на имя Наслѣдника (въ іюль 1850 г.) Гоголь говоритъ, что имъ написана только 1-я часть „Мертвыхъ Душъ“, вторая-же часть, гдѣ русскій человѣкъ выступаетъ не одними пошлостями, но всей глубиной своей богатой природы, еще не вполне законченъ; новое изданіе писемъ, IV, 338. Въ письмѣ къ Шевыреву по поводу этого прошенія Гоголь говоритъ, что „Мертвыя Души“ должны служить обнять природу русскаго человѣка во всѣхъ ея силахъ. Изъ этого сочиненія вышла въ свѣтъ только одна часть, со держащая въ себѣ осмѣяніе всего того, что несвойственно нашей великой природѣ, что ее унизило; вторая-же часть, гдѣ русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороною, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера, не могла быть такъ скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созрѣть самому“ (ibid., 339; ср. ibid., 342: „въ остальныхъ частяхъ „Мертвыхъ Душъ“, надъ которыми теперь сию, выступаетъ русскій человѣкъ

рядоченіе отдѣльных частей поэмы, и смерть застигаетъ писателя за трудомъ, не получившимъ послѣдняго удара кисти. Хотя иногда въ теченіе 1851 года раздаются и радостныя ноты, на примѣръ, о томъ, что „второй томъ умнѣе перваго“, ¹⁾ но грустныхъ извѣстій болѣе. На основаніи письма Шевырева къ Гоголю отъ 27-го іюля 1851 года, мы можемъ сказать, что около этого времени Гоголь прочелъ ему 5 и 6 главу II-го тома. Вскорѣ послѣ прочтенія ихъ Шевыреву, Гоголь, въ виду какихъ-то слуховъ, начавшихъ циркулировать въ Москвѣ, пишетъ ему коротенькую записку: „Убѣдительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанномъ, ни даже называть мелкихъ сценъ и лицъ героевъ. Случились исторіи. Очень радъ, что двѣ послѣднія главы, кромѣ тебя, никому не извѣстны. Ради Бога никому“... ²⁾ Шевыревъ на это ему отвѣчаетъ: „Успокойся. Даже и женѣ я ни одного имени не называлъ, не упомянулъ ни объ одномъ событіи. Только разъ при тебѣ же называлъ штабсъ-капитана Ильина, и только. Тайна твоя для меня дорога, повѣрь. Съ нетерпѣніемъ жду 7 и 8 главы“. ³⁾ Итакъ, въ іюлѣ были уже окончательно готовы 5 и 6 главы, ⁴⁾ но вскорѣ Гоголь заболѣлъ, и работа

уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями, но всей глубиной своей природы и богатымъ разнообразіемъ внутреннихъ силъ, въ немъ заключенныхъ“. Здѣсь-же Гоголь говоритъ, что онъ могъ бы имѣть средства, если бы издалъ свое сочиненіе въ неготовомъ и неоконченномъ видѣ, но на это онъ никогда не рѣшится.

¹⁾ Письма, VI, 530; новое изданіе, IV, 382.

²⁾ Письма, VI, 551.

³⁾ Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ, стр. 68, письмо XXII.

⁴⁾ Есть указанія, что зимою 1851 года у Гоголя было написано 11 главъ второго тома (Русская Старина, 1872 г., I, 126—127). Ср. слова Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому отъ 17-го марта 1852 года: „лѣтомъ Гоголь читалъ многимъ главы (до 7-ми) изъ II-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и самъ просилъ напечатать извѣстіе въ журналѣ о скоромъ его изданіи вмѣстѣ съ умноженнымъ первымъ“; Плетневъ, Жизнь и переписка, III, 734. „Смирнова сказывала мнѣ (Плет-

затормозилась. 15-го іюля Гоголь пишетъ, что хотѣлъ заняться дѣлами по части приготовленія къ печати II-го тома и разболѣлся.¹⁾ 2-го сентября онъ извѣщаетъ мать, что болѣзнь, постигая его, отдаляетъ окончаніе его труда на годъ, а можетъ быть, и на два.²⁾ Но зимою Гоголь чувствовалъ себя лучше и 30-го ноября извѣщалъ Плетнева, что скоро надѣется печатать II томъ: „что до печатанья новыхъ сочиненій, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, что я думаю, и они пойдутъ въ дѣло“. ³⁾ Данилевскому отъ 16-го декабря онъ пишетъ, что, „если не будетъ помѣшательства, то онъ, можетъ быть, привезетъ ему лѣтомъ или въ началѣ весны II томъ“. ⁴⁾ Наконецъ, 1-го января 1852 года Арнольди видѣлъ Гоголя, и Гоголь говорилъ ему, что имѣетъ намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, „когда окончится новое изданіе его сочиненій, и когда выйдетъ въ свѣтъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, который, по его словамъ, былъ совершенно оконченъ“. ⁵⁾ Но еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1851 года Гоголь былъ недоволенъ II томомъ и сказалъ женѣ С. Т. Аксакова, что онъ не будетъ печатать второго тома, что въ немъ все никуда не годится, и что надо все передѣлать. ⁶⁾ Очевидно, въ немъ происходили колебанія, и 2 февраля 1852 года, какъ бы чувствуя себя безсильнымъ, Гоголь проситъ Жуковского помолиться о немъ, чтобы онъ „хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной“. ⁷⁾ Этого гимна небесной красотѣ Гоголь, по его мнѣнію, не сумѣлъ пропѣть и передъ смертью сжегъ свой

неву, что только Капнисту, который хотя любилъ Гоголя, но терпѣть не могъ его сочиненій, онъ прочелъ 9 главъ, желая воспользоваться строгою критикою беспощаднаго порицателя своихъ сочиненій“; *ibid.*, прим. 1.

¹⁾ Письма, VI, 536; новое изданіе, IV, 391.

²⁾ *Ibid.*, 538.

³⁾ Письма, IV, 547; новое изданіе, IV, 413.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 93.

⁶⁾ Русскій Архивъ, 1878, II, 54.

⁷⁾ Письма, VI, 533.

трудъ. Сожженіе было, конечно, актомъ мгновенной сильной вспышки, хотя оно и подготовлялось раньше, и раньше Гоголь высказывалъ недовольство II томомъ. Послѣ сожженія онъ сожалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ, и говорилъ: „А я думалъ разослать друзьямъ на память по тетрадкѣ. Пусть бы дѣлали, что хотѣли. Теперь все пропало“. ¹⁾

IV.

Вляется вопросъ, былъ ли оконченъ вообще II томъ, къ какой эпохѣ относится то, что мы имѣемъ изъ него въ настоящее время, и что было причиной его уничтоженія авторомъ?

По мнѣнію Шенрока, II томъ остался недовершеннымъ: „во всѣхъ редакціяхъ, сохранившихся для насъ и почти совпадающихъ между собою, много противорѣчій и полное отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго плана“. ²⁾ Но академикъ Тихонравовъ думаетъ, что въ исходѣ 1850 года II томъ уже былъ оконченъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ отдѣланъ „начисто“, — онъ только не получилъ послѣдняго удара кисти, и имъ былъ недоволенъ взыскательный художникъ. ³⁾ И это вѣрно, какъ мы могли убедиться изъ указаній Гоголя, разсѣянныхъ въ его письмахъ. ⁴⁾

¹⁾ Отечественныя Записки, 1856, XII, стр. 409. Ср. Плетневъ, Сочиненія и переписка, III, стр. 736: „иное надо было сжечь, сказалъ Гоголь, подумавъ, а за другое помолились бы за меня Богу; но Богъ дастъ, выздоровѣю и все поправлю“. Поутру онъ сказалъ Толстому: „я хотѣлъ сжечь бумаги, давно уже на то опредѣленные, а сжегъ главы „Мертвыхъ Душъ“, которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ моей смерти“.

²⁾ См. Шенрокъ IV, 894, 898, 900, 905, 910.

³⁾ Сочиненія Гоголя III, 571, ср. *ibid.*, 535.

⁴⁾ Ср. Арнольди, Мое знакомство съ Гоголемъ: „Чтобы разсѣять ее (Смирнову), Гоголь самъ предложилъ прочесть окончаніе второго тома „Мертвыхъ Душъ“, но та по болѣзни отказалась; Арноль-

Что-же касается того, что „въ сохранившихся для насъ редакціяхъ, почти совпадающихъ между собою, много противорѣчій и полное отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго плана“, то въдь это редакціи, какъ увидимъ ниже, ранней эпохи, и что представляла самая послѣдняя редакція, уничтоженная авторомъ передъ смертью, мы знаемъ только лишь отчасти и то по отзывамъ современниковъ Гоголя.

Но даже изъ того, что было написано и обработано авторомъ, не все для насъ сохранилось. ¹⁾ То, что мы имѣемъ въ настоящее время изъ II тома „Мертвыхъ Душъ“, было найдено послѣ смерти Гоголя въ его бумагахъ Шевыревымъ, переписано имъ и издано уже въ 1855 году племянникомъ великаго писателя Трушковскимъ. Всѣхъ главъ II тома сохранилось, какъ извѣстно, пять, причемъ послѣдняя (пятая по счету), въ изданіяхъ не имѣетъ нумераціи, такъ какъ между нею и предыдущею (четвертою) чувствуется большой пропускъ. Вся эта послѣдняя глава восходитъ къ 1841 году, когда начальныя четыре главы II-го тома „Мертвыхъ Душъ“ были уже настолько обработаны, что авторъ могъ, въ концѣ 1841 или въ началѣ 1842 года, приступить къ перепискѣ ихъ набѣло, а дальнѣйшія главы набрасывались начерно. Текстъ этой тетради Гоголь началъ, на ея же страницахъ, передѣлывать въ новую редакцію не ранѣе 1848 года. Эта передѣлка на самой тетради не была кончена. Въ 1843 году Гоголь былъ недоволенъ переписанными набѣло первыми четырьмя главами и началъ ихъ исправлять, дѣлая многочисленныя измѣненія, которыя образовали „хаосъ“, по его мнѣнію, изъ котораго должны были возникнуть „Мертвыя Души“. Въ 1845 году эти главы были обработаны, переписаны набѣло, но Гоголь остался ими недоволенъ и сжегъ. Отъ этой редакціи (1845 года)

ди былъ въ большомъ горѣ, что ему не удалось дослушать II тома до конца, хотя онъ и ожидалъ тогда скорого его появленія въ печати, Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 91.

¹⁾ Ср. Шенрокъ, IV, 876.

сохранилось очень мало — всего $1\frac{1}{2}$ листа. Тѣ четыре главы II тома „Мертвыхъ Душъ“, которыя мы имѣемъ въ настоящее время, представляютъ ту редакцію этого произведенія, которая была переписана набѣло въ 1841 или 1842 году, которой Гоголь остался недоволенъ въ 1843 году и на которой онъ выработывалъ текстъ новой редакціи, сожженной имъ въ 1845 году. При этомъ мы должны замѣтить, что Шевыревъ, нашедши четыре разрозненные и подвергшіяся вырѣзкамъ тетради, восполнилъ ихъ кое-гдѣ листами изъ тетрадей другой редакціи того же произведенія ($1\frac{1}{2}$ листа изъ редакціи 1845 года). ¹⁾

Что касается плановъ Гоголя относительно III-го тома „Мертвыхъ Душъ“, то мы на этотъ счетъ не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Извѣстно только, что въ немъ Гоголь хотѣлъ изобразить возрожденіе Плюшкина, подобно тому, какъ во второмъ томѣ мы имѣемъ ясныя намеки на начавшійся духовный переворотъ въ Чичиковѣ. По крайней мѣрѣ, обращаясь въ письмѣ къ Языкову съ просьбой пробудить дремлющаго русскаго человѣка, Гоголь говоритъ: „О, если бы ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ Душъ“. ²⁾ Веселовскій предполагаетъ, что въ третьемъ томѣ должно было появиться еще и духовное лицо, именно, о. Матвѣй. ³⁾ По крайней мѣрѣ, когда Гоголь читалъ Смирновой свой второй томъ, и она спросила у него: неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія, онъ отвѣчалъ: „погодите, будутъ у меня еще лучшія вещи, будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ“. ⁴⁾ Веселовскій говоритъ, что ни у кого изъ знакомыхъ со вторымъ томомъ друзей автора нѣтъ указаній на то, чтобы въ немъ выведено было духовное лицо. ⁵⁾

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. сочиненія Гоголя III, 576—602.

²⁾ Сочиненія, IV, 73.

³⁾ Веселовскій, Этюды и характеристики, 603.

⁴⁾ Записки о жизни Гоголя, II, 227.

⁵⁾ Этюды и характеристики, примѣчаніе, стр. 603—604.

Является вопросъ, почему Гоголь остался недоволенъ своимъ произведеніемъ, и если онъ его не довершилъ, то почему: въ силу-ли внутренней работы, которая не давала ему творить спокойно, или же вслѣдствіе оскудѣнія таланта. Шенрокъ думаетъ, что къ концу 40-хъ годовъ талантъ Гоголя вообще оскудѣлъ. „Во второмъ томѣ не разъ встрѣчаются повторенія прежнихъ мыслей и образовъ, представляющія большею частью слабые намеки на бывшія яркія картины, что ясно свидѣлствуетъ объ упадкѣ таланта Гоголя, исключая возможность предположенія о его возрожденіи“. ¹⁾ Но тотъ примѣръ, который приводитъ Шенрокъ, рѣшительно ничего не говоритъ объ упадкѣ таланта Гоголя. Шенрокъ указываетъ на то, что Гоголь, по его мнѣнію, слишкомъ вяло изобразилъ тѣ воспоминанія, какимъ предавался Тенетниковъ, думая объ Улинькѣ, тогда какъ раньше, напримѣръ, въ „Тарасѣ Бульбѣ“, онъ живо рисовалъ обаятельное впечатлѣніе, производимое женщиной. При этомъ Шенрокъ прибавляетъ: „все, что въ юности было озарено въ глазахъ Гоголя какимъ-то чуднымъ сіяніемъ, является теперь обыденнымъ и прозаичнымъ“. ²⁾ Тутъ же Шенрокъ приводитъ и другой примѣръ того, какъ съ лѣтами измѣнились воззрѣнія Гоголя на нѣкоторые предметы, и примѣръ этотъ взять изъ I-го тома, когда талантъ Гоголя находился въ полномъ расцвѣтѣ. Значить, дѣло не въ упадкѣ та-

¹⁾ Шенрокъ, III, стр. 407; ср.: „Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ печальную картину медленнаго, но тяжелаго и упорнаго процесса физическаго разрушенія на ряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза“, (IV, стр. 1). Князь Вяземскій также полагалъ, что подъ конецъ своей жизни Гоголь совершенно лишился таланта: „нѣтъ сомнѣнія, что если бы Гоголь не прекратилъ своей авторской дѣятельности, то уже не возвратился бы на дорогу „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“; въ этомъ отношеніи онъ высказалъ все, что могъ высказать; образы и краски были истощены до-нельзя“; см. примѣчаніе Вяземскаго къ письму Гоголя,—новое изданіе писемъ Гоголя, III, 484.

²⁾ Шенрокъ, IV, 408.

ланта, а въ измѣненіи воззрѣній на нѣкоторые предметы. „Сгубилъ же Гоголя, по мнѣнію Шенрока, неразрѣшимый вопросъ: согласно ли съ волей Божіей продолженіе или уничтоженіе труда, и самый трудъ его надъ поэмой былъ ли орудіемъ моленія, дѣломъ, или же грѣховный соблазнъ и искушеніе діавола, о чемъ Гоголь началъ опасаться уже по полученіи перваго письма отца Матвѣя“. ¹⁾

Но объ оскудѣніи таланта Гоголя, до самой его смерти, кажется, не можетъ быть и рѣчи. Мы уже приводили выше тѣ восторженные отзывы, какіе дѣлала семья Аксаковыхъ (отецъ и оба его сына) о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ въ 1850 году. ²⁾ С. Т. Аксаковъ, ознакомившись съ началомъ II-го тома, убѣдился вполне, что Гоголь можетъ выполнить ту задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говорить въ I-мъ томѣ, ³⁾ а онъ, хотя и любилъ Гоголя, не сочувствовалъ его заблужденіямъ и открыто это заявлялъ. Затѣмъ Арнольди, слышавшій чтеніе первыхъ двухъ главъ II-го тома „Мертвыхъ Душъ“, говоритъ, что въ нихъ были страницы въ высокой степени художественныя: напр., описаніе обѣда у Бетрищева, описаніе со-

¹⁾ Шенрокъ, IV, 912.

²⁾ См. у меня выше. Правда, Аксаковъ говоритъ только о 1 и 2 главѣ, въ которыхъ нѣтъ и помину о Костанжогло, Муразовѣ и генераль-губернаторѣ. О впечатлѣніи, какое произвели на него 3 и 4 главы, Аксаковъ умалчиваетъ. Дальнѣйшихъ главъ своего произведенія Гоголь и не читалъ ему (Сочиненія Гоголя, III, 576). Только уже по смерти Гоголя, Аксаковъ пишетъ своимъ сыновьямъ, что всегда боялся за Гоголя и предчувствовалъ его гибель, какъ художника. „Правда, я предавался надеждѣ, услышавъ первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ II тома, но съ какимъ-то страхомъ и даже подшпоривая себя. Притомъ, вѣдь это было написано *прежде* и только воспроизведено или, можетъ быть, только повторено даже въ слабѣйшемъ видѣ. Нельзя исповѣдывать двѣ религіи безнаказанно. Тщетна мысль совмѣстить и примирить ихъ. Христіанство сейчасъ задаетъ такую задачу художеству, которую оно выполнить не можетъ, и сосудъ лопнетъ“, (Русскій Архивъ, 1890, VIII), 200. Но это горюило уже *post factum*.

³⁾ Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 272—273.

стоянія Тентетникова послѣ помолвки его съ Улинькой, ¹⁾ хотя тотъ же Арнольди замѣтилъ Гоголю, что Улинька у него вышла лицомъ немного идеальнымъ, блѣднымъ, неоконченнымъ. ²⁾ „Первый томъ, по словамъ Смирновой, совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображеніи передъ вторымъ: здѣсь юморъ возведенъ былъ на высшую степень художественности и соединялся съ пафосомъ отъ котораго захватывало духъ. Въ увлеченіи слушательница спрашивала автора: „неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія?“ и Гоголь, довольный впечатлѣніемъ, отвѣчалъ, что будутъ, будетъ у него священникъ, откупщикъ и генераль-губернаторъ. ³⁾ Кромѣ того, самъ же Шенрокъ, на основаніи указаній Арнольди, который совершенно справедливо замѣтилъ блѣдность образа Улиньки, говоритъ, что „на недостающихъ страницахъ второй главы, судя по передачѣ Арнольди, Гоголь, имѣя намѣреніе представить лучшія стороны характера русскихъ людей, блестящимъ образомъ выполнилъ свою задачу. Нельзя особенно не пожалѣть объ утратѣ этого отрывка, исполненнаго высокой поэзій и такъ выгодно отличающагося отъ ходульной реторики въ изображеніи Констанжогло, Муразова, генераль-губернатора. Здѣсь Гоголь безъ всякой натяжки показалъ своихъ героевъ съ такой свѣтлой и благородной стороны, что достаточно ему было удержаться въ этихъ предѣлахъ, не запутываясь въ лабиринтъ своихъ сбивчивыхъ теорій, и онъ, быть можетъ, вышелъ бы хоть отчасти побѣдителемъ въ борьбѣ съ заданной себѣ колоссальной задачей“. ⁴⁾ Наконецъ, въ письмѣ отъ 20 августа 1850 года Гоголь пишетъ Толстому: „когда я передъ отъѣздомъ изъ Москвы прочелъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которымъ знакомы были, какъ и вамъ, двѣ первыя главы, оказалось, что послѣдующія сильнѣй первыхъ, и жизнь раскрывается, чѣмъ далѣ, глубже. Стало быть,

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 76, 78.

²⁾ Ibid., 80—81.

³⁾ Записки о жизни Гоголя, II, 224—227.

⁴⁾ Шенрокъ IV, 904.

несмотря на то, что старѣю и хирѣю, тѣ же силы умственные, слава Богу, еще свѣжи“. ¹⁾

Итакъ, говорить объ оскудѣннѣ таланта Гоголя до самой его смерти, кажется, нѣтъ основанія, въ виду такихъ неопровержимыхъ доказательствъ. Конечно, въ послѣдніе годы, особенно въ 1850—1852 годахъ, Гоголь работалъ плохо и вяло, но здѣсь, помимо другого обстоятельства, на которое мы сейчасъ укажемъ, главную роль играло его болѣзненное состояніе. Что же касается вліянія о. Матвѣя, то, конечно, оно было пагубно, но только больше, такъ сказать, съ физической стороны. Подъ вліяніемъ строгаго аскетизма о. Матвѣя, Гоголь изнурялъ себя разными духовными подвигами, постомъ, и тѣмъ расшатывалъ свое и безъ того слабое здоровье. Что-же касается его внутренняго міра, то, хотя Шенрокъ и указываетъ на то, что побѣда относительно разныхъ взглядовъ, между прочимъ взгляда на писательство, осталась на сторонѣ о. Матвѣя, ²⁾ но мы съ этимъ не можемъ согласиться. Гоголь рѣшительно отстаиваетъ свои права на писательство и напиримѣръ, говоритъ о. Матвѣю слѣдующее: „признаюсь вамъ,

¹⁾ Письма, новое изданіе, IV, 348. Здѣсь можно, кажется, видѣть отзывъ Аксакова о 3 и 4 главахъ II тома; ср. слова Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому отъ 21 марта 1851 года: „Смирнова читала съ нимъ (Гоголемъ) вторую часть „Мертвыхъ Душъ“, и говорить, что лучше этого ничего вообразить нельзя“ (Сочиненія и переписка Плетнева, III, 691), хотя мы должны оговориться, что особенно полагаться на судъ Смирновой нельзя.

²⁾ Шенрокъ, IV, 598—599; ср. новое изданіе писемъ Гоголя, III, 312. См. также у Шенрока, въ предисловіи къ изданію писемъ Гоголя: „Въ одномъ письмѣ къ отцу Матвѣю (отъ 24 сентября 1847 года) читаемъ: „Вотъ вамъ (скажу откровенно) причина моего писательства“, тогда какъ прежде было написано: „была причина моего писательства“. Здѣсь чрезвычайно любопытно видѣть во-очію, какъ совершалась борьба между прежними взглядами Гоголя и тѣми, на которыхъ настаивалъ о. Матвѣй. Защищая свое литературное призваніе, Гоголь колеблется и уже на минуту готовъ уступить, отказываясь отъ своего прежняго убѣжденія, какъ тотчасъ же оно снова беретъ верхъ и слово „была“ зачеркивается“ (стр. IX); ср. *ibid.*, IV, 90.

я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ..... можно исполнять также и въ званіи писателя“. ¹⁾ Въ другомъ письмѣ, отвѣчая на обвиненіе отца Матвѣя въ томъ, что онъ взялся за учительство, Гоголь совершенно вѣрно опредѣляетъ задачи художника и говоритъ, что „Переписка съ друзьями“ (на основаніи которой о. Матвѣй и обвинялъ его въ учительствѣ), „не его родъ,“ „что его издавна занимало изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей Русской землѣ, послѣ котораго русскіе читатели узнали бы лучше свою землю“, ²⁾ и заканчиваетъ это письмо чуднымъ лирическимъ изліяніемъ, въ которомъ слышатся благороднѣйшія струны поэта—гражданина: „скажите мнѣ: зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи русской земли, о водвореніи въ ней мира, на мѣсто смятенія, и любви, на мѣсто ненависти къ брату? Зачѣмъ я помышляю объ этомъ, на мѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? Зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства“. ³⁾ Въ письмѣ 1850 года къ о. Матвѣю, онъ откровенно говоритъ о своей работѣ, которой и не думаетъ бросать: „Хотѣлъ бы живо, въ живыхъ примѣрахъ, показать темной моей братіи, живущей въ мірѣ—и играющей жизнью, какъ игрушкою, что жизнь не игрушка. И все, кажется, обдуманно и готово, но перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и (не скрою передъ вами), это бываетъ предметомъ тайныхъ страданій, чѣмъ то въ родѣ креста. Впрочемъ, можетъ быть, все это происходитъ отъ изнуренія тѣлеснаго. Силы физическія мои ослабѣли. Я всю зиму былъ боленъ“. ⁴⁾ Въ этомъ письмѣ мы слышимъ тѣ же рѣчи, что и въ письмахъ ко всѣмъ вообще друзьямъ и знакомымъ Гоголя.

¹⁾ Письма VI, 425; новое изданіе, IV, 89.

²⁾ Письма VI, 442—443; новое изданіе, IV, 152.

³⁾ Ibid., 444; IV, 154.

⁴⁾ Письма VI, 502; новое изданіе IV, 313.

Даже въ вопросахъ религіи Гоголь не особенно-то подчинялся о. Матвѣю, хотя и слѣдовалъ его указаніямъ, чтобы развить и укрѣпить въ себѣ религіозное чувство, котораго у него, по его мнѣнію, было очень мало. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (12 января 1848 года), Гоголь откровенно говоритъ, что „вѣры въ немъ нѣтъ вовсе“. ¹⁾ Даже въ послѣднія минуты жизни у Гоголя вышло какое-то недоразумѣніе съ о. Матвѣемъ. Когда о. Матвѣй нарисовалъ ему картину великой отвѣтственности на страшномъ судѣ за грѣховныя дѣла, Гоголь, прервавъ его рѣчь, сказалъ ему: „довольно! оставьте, не могу далѣе слушать, слишкомъ страшно“. Такъ рассказываетъ Тарасенковъ, лѣчившій Гоголя. ²⁾ Не извѣстно, этотъ-ли случай разумѣетъ Гоголь, когда въ своемъ коротенькомъ письмѣ къ о. Матвѣю говоритъ, что хотѣлъ „просить у него извиненія въ томъ, что оскорбилъ его“, ³⁾ но все-таки на основаніи этого писма мы видимъ, что между Гоголемъ и о. Матвѣемъ полного согласія во взглядахъ не было, и говоритъ о томъ, что Гоголь совершенно подпалъ подъ вліяніе о. Матвѣя, кажется, нѣтъ оснований. ⁴⁾

Причиной сожженія II тома передъ смертью было, по нашему мнѣнію, сознаніе Гоголя, что онъ не разрѣшилъ той задачи, которую онъ поставилъ себѣ, какъ художникъ. ⁵⁾ Мы знаемъ, что

¹⁾ Новое изданіе писемъ IV, 154.

²⁾ Шенрокъ, IV, 851.

³⁾ Новое изданіе писемъ IV, 423.

⁴⁾ Есть еще указаніе на то, что въ послѣдніе дни жизни Гоголя о. Матвѣй потребовалъ у него отреченія отъ Пушкина. „Нѣтъ еще примиренія“, сказалъ о. Матвѣй Гоголю: „отрекись отъ Пушкина и любви къ нему. Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ“. Гоголь затрепеталъ, говоритъ очевидецъ (Міръ Божій, 1902, II, 66), и, конечно, не могъ отречься отъ своей святыни; Пушкина Гоголь любилъ, по его собственнымъ словамъ, больше матери. Можетъ быть, этотъ случай имѣетъ въ виду Гоголь, прося у о. Матвѣя извиненія за то, что онъ его оскорбилъ, не отказавшись отъ своей любви къ Пушкину.

⁵⁾ Ср. мнѣніе ак. Тихонравова: „послѣднее сожженіе II тома „Мертвыхъ Душъ“ вызвано было тѣмъ же строгимъ отношеніемъ художника къ своему труду, какимъ и первое; въ основѣ того и

Гоголь уже давно былъ занятъ выясненіемъ своихъ авторскихъ обязанностей. Послѣ изданія „Переписки“, когда онъ получилъ отъ Бѣлинскаго письмо, исполненное такого гражданскаго негодованія,¹⁾ авторскія обязанности, кажется, для него окончательно выяснились. По крайней мѣрѣ, въ „Авторской исповѣди“, которая представляет *profession de foi* возрѣвнѣй Гоголя въ эту эпоху, мы находимъ такіе взгляды, которые имѣютъ большое значеніе для выясненія поэтической дѣятельности Гоголя въ это время, и на которые до сихъ поръ, кажется, не обращали вниманія. Еще до полученія письма Бѣлинскаго, а только послѣ прочтенія его статьи въ Современникѣ, въ которой онъ такъ неодобритель-

другого приговора лежало справедливое недовольство „выдуман-ными образами и особенно тою идеальностью, неестественностью образовъ, которая ненавистна была Гоголю въ произведеніяхъ Кукольника и Полевого. Предсмертное сожженіе многолѣтняго труда не было у Гоголя слѣдствіемъ болѣзненнаго порыва, нервнаго разстройства; всего менѣе можно въ немъ видѣть „жертву, принесенную смиреннымъ христіаниномъ“: оно было сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ“ (Сочиненія, III, 576). Ср. мнѣніе Шенрока, высказанное имъ въ 1896 году, Сочиненія Гоголя, VІІ, 796; ср. *ibid.*, 801. С. Т. Аксаковъ думаетъ, что „смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій духа Гоголя, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ“ (Русскій Архивъ, 1890, VІІІ, 13). Это мнѣніе имѣетъ, конечно, свою долю правды. Пушкинъ, при своемъ вліяніи на Гоголя, при своемъ широкомъ, свѣтломъ умѣ, могъ бы удержать Гоголя, по крайней мѣрѣ, на высотѣ чисто художественнаго творчества, и тогда Гоголь, отдаваясь только лишь своему инстинктивному творческому таланту, рисовалъ бы такія же поразительныя картины русской жизни, какія мы находимъ въ произведеніяхъ первой свѣтлой половины его литературной дѣятельности.

¹⁾ Письмо это было напечатано въ Полярной Звѣздѣ, 1855 года, т. I, изданіе 2-е, стр. 63—79; въ извлеченіи въ Вѣстникѣ Европы за 1872 годъ, VІІ, стр. 439—443; наконецъ, въ книгѣ Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. VІІІ, стр. 596—607.

но отозвался о „Перепискѣ“, ¹⁾ Гоголь въ письмѣ къ Вяземскому начинаетъ, очевидно, подъ вліяніемъ статьи Бѣлинскаго, говорить о томъ, что писатель въ настоящее время долженъ разъяснять для общества „государственные предметы“, т. е. внутренніе общественные вопросы. ²⁾ Послѣ же письма Бѣлинскаго, въ которомъ онъ говоритъ о томъ великомъ общественномъ значеніи, какое имѣлъ Гоголь для русскаго народа, выясняя ему его социальное положеніе, Гоголь все болѣе и болѣе приходилъ къ сознанию тѣхъ авторскихъ обязанностей, ³⁾ которыя теперь предъявляются всякому крупному художественному дарованію. Правда, въ отвѣтномъ письмѣ Бѣлинскому, Гоголь все еще какъ-то путается и стоитъ на точкѣ зрѣнія личнаго исправленія и усовершенствованія, отвергая всякія реформы, ⁴⁾ но мы знаемъ, въ какомъ состояніи писалъ Гоголь это письмо, и какъ ему, въ пылу раздраженія, хотѣлось отстоять свою точку зрѣнія. Но колебанія въ совершенно противоположную сторону у него уже начались, какъ мы видѣли, и вотъ въ „Авторской исповѣди“, онъ, какъ бы повторяя слова Бѣлинскаго, говоритъ, что „писатель творецъ— долженъ постигнуть современность и стать въ уровень съ вѣкомъ (по образованію), ⁵⁾ что онъ долженъ быть разрѣшителемъ со-

¹⁾ См. Сочиненія Бѣлинскаго, XI, 84—108; она была первоначально напечатана въ Современникѣ за 1847 годъ, II, отд. 3, стр. 103—124.

²⁾ Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ, стр. 399.

³⁾ Послѣ рецензіи Бѣлинскаго въ Современникѣ на „Переписку съ друзьями“ Гоголь пишетъ Прокоповичу слѣдующее о Бѣлинскомъ: „какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ, человѣкъ этотъ, несмотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо однакожь на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ ними“ (Новое изданіе писемъ, III, 496). Слова такого человѣка не могли остаться безъ всякаго вліянія на Гоголя.

⁴⁾ Письма, VI, 379—386.

⁵⁾ Сочиненія, IV, 266.

временныхъ вопросовъ“. ¹⁾ Далѣе Гоголь еще яснѣе говоритъ объ обязанностяхъ писателя своего времени: „Если онъ, при всѣхъ великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлиной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, (и) приобрѣтетъ полное познаніе земли своей и своего народа въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и какъ камень станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкой скалой человѣку, тогда онъ выступай на поприще“. ²⁾ Но бѣда Гоголя и заключалась въ томъ, что онъ не могъ разрѣшить всѣхъ современныхъ вопросовъ, на которые наталкивала его жизнь, познаніе людей,—онъ не имѣлъ того критеріума, съ высоты котораго могъ бы правильно освѣтить разные жгучіе вопросы, затронутые имъ въ его второмъ томѣ; отсюда и выходило ходульное изображеніе Костанжогло, откупщика и т. д., чего онъ, конечно, не могъ не понимать, ³⁾ и что, конечно, въ сильной степени тормозило его работу. Уже по поводу обѣщанія Гоголя въ I томѣ—изобразить такихъ добродѣтельныхъ русскихъ людей, какихъ „нигдѣ не сыскать въ мірѣ“, и передъ которыми „мертвыми покажутся всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ“, — Бѣлинскій говорилъ, что „много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальные двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими — по крайней мѣрѣ, въ патетическихкихъ мѣ-

¹⁾ Ibid., 267.

²⁾ Сочиненія, IV, 267.

³⁾ „Гоголь поставилъ себѣ задачу, которая была невыполнима, потому что невыполнимо было создать произведеніе въ духѣ „Выбранныхъ мѣстъ“ и сохранить въ немъ тѣ особенности его художественнаго творчества, которыя дали ему славу и составили его дѣйствительную силу“: Пыпинъ, Исторія литературы, IV, 496, ср. 499.

стах". ¹⁾ И слова эти были пророческія. Не „царственное“ впечатлѣніе производить Костанжогло, ²⁾ второе, нѣсколько облагороженное изданіе Собакевича, Костанжогло, который умѣетъ извлекать доходы изъ „всякой дряни“ ³⁾ и который вооружается

¹⁾ Сочиненія, VI, 535.

²⁾ „Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіять Костанжогло, и казалось, какъ-бы лучи исходили изъ лица его“ (IV, 355), когда онъ говорилъ объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ.

³⁾ Костанжогло нѣсколько грубъ и рѣзокъ на слова, но это вполне соответствуетъ тому идеалу, какой имѣлъ Гоголь о помѣщикахъ. Такъ въ своей статьѣ „Русскій помѣщикъ“ Гоголь совѣтуетъ своему пріятелю ругать лѣнливыхъ мужиковъ „невывытыми рылами“, дрянью, а то „выкопать слово еще похуже“ (IV, 120—121). Затѣмъ въ этой-же статьѣ Гоголь говоритъ: „относительно всякихъ нововведеній ты уменъ и смекнулъ самъ, что не только слѣдуетъ придерживаться всего стараго, но всмотрѣться въ него насквозь, чтобы изъ него же извлечь для него улучшение“ (ibid., 120). Всему этому, какъ извѣстно, вполне слѣдуетъ Костанжогло. Кромѣ того, Гоголь убѣжденъ, что можно вести христіанскую жизнь и собирать богатства. „Богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ—синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро“ (ibid.). Точно также и Костанжогло былъ богатымъ хозяиномъ, увлекался сельскимъ хозяйствомъ, заботился о своихъ крестьянахъ, видѣлъ въ этомъ исполненіе своей гражданской обязанности, и по состоянію его деревни видно было, „что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой“ (IV, 339). Что теоретическія воззрѣнія Костанжогло вполне совпадаютъ съ взглядами самого Гоголя, подтвержденіе этому мы находимъ и въ его частной перепискѣ: Гоголь пишетъ матери, „что все, что ни есть вокругъ насъ, все создано для нашего обогащенія, нѣтъ предмета, изъ котораго нельзя было бы извлечь выгоды, которыя не дали бы потомъ процентъ на процентъ, нѣтъ малѣйшей статьи, которая не дала бы пользу, ибо ничто не создано Богомъ безъ пользы“ (Новое изданіе писемъ, IV, 126, письмо 1847 года). Сельское хозяйство онъ считаетъ „слишкомъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ“ и совѣтуетъ своимъ домашнимъ вести его именно такъ, какъ ведетъ его во второмъ томѣ Костанжогло (ibid.).

противъ школъ и больницъ для крестьянъ. ¹⁾ Правда, мы должны сказать, что Костанжогло собственно вооружается какъ-бы не противъ просвѣщенія и благотворительности, а противъ неумѣлаго ихъ примѣненія, примѣромъ чего является Кошкаревъ. Но рѣчи его во всякомъ случаѣ двусмысленны, и самъ Гоголь, очевидно, колебался, принесетъ-ли просвѣщеніе пользу или вредъ крестьянамъ. Такъ въ рукописи, гдѣ находится рѣчь Костанжогло о просвѣщеніи, слѣлана слѣдующая приписка: „Конечно, въ грамотѣ ничего нѣтъ дурного, скорѣе хорошее“, ²⁾ но уже самая возмож-

¹⁾ По мнѣнію Энгельгардта на образъ Костанжогло повліялъ идеальный помѣщикъ Россіяниновъ, который выведенъ въ романѣ Булгарина „Выжигинъ“. „Булгаринскій господинъ Россіяниновъ, идеальный помѣщикъ-практикъ, несомнѣнно, перекочевалъ во вторую часть „Мертвыхъ Душъ“, являсь тамъ въ облагороженной, но столь-же фальшиво-деревянной фигурѣ Костанжогло“. Вотъ откуда, по мнѣнію Энгельгардта, идетъ родовая струя фальши, отразившаяся впоследствии и на Штольцѣ Гончарова, и такимъ образомъ просочившаяся изъ литературной трясины на вершину нашего Парнаса“ (Историческій Вѣстникъ, 1902, II, 578—579). Кое-какія *внѣшнія* совпаденія въ описаніи усадьбы Россіянинова и Костанжогло, дѣйствительно, указать можно, но основныя конценціи этихъ двухъ помѣщиковъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Россіяниновъ является приверженцемъ западно-европейской образованности, въ его кабинетѣ стояли огромные шкафы съ книгами на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ (Иванъ Выжигинъ, стр. 124); Россіяниновъ старается обучать своихъ крестьянъ грамотѣ и говоритъ: „нынѣ всѣ молодые люди въ моемъ имѣніи знаютъ грамоту... Безъ грамоты, господа, не возможно посѣять ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятія о его обязанностяхъ къ властямъ, для собственнаго же его блага“ (ibid., 128); наконецъ, Россіяниновъ признаетъ, что надо быть прежде человѣкомъ, а потомъ уже русскимъ или французомъ (125), хотя „всѣ нововведенія не иначе приводимы имъ были въ исполненіе, какъ послѣ многихъ опытовъ“ (128). Костанжогло же учился на мѣдныя деньги, книгами не интересовался и о просвѣщеніи своихъ крестьянъ не думалъ. Романъ Булгарина „Выжигинъ“ былъ извѣстенъ Гоголю, но въ 1831 г. онъ отзывался о немъ неодобрительно; см. Письма, новое изданіе, I, 186—187.

²⁾ Сочиненія, IV, 577.

ность сомнѣнія относительно такого яснаго дѣла для того писателя, который всю свою жизнь отдалъ литературѣ, показываетъ, что Гоголь скорѣе былъ противъ просвѣщенія крестьянъ, чѣмъ за ихъ образованіе, да и Костанжогло говоритъ, что сперва надо сдѣлать мужика „богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а потомъ уже его просвѣщать“. ¹⁾ Такъ колеблется мысль Гоголя о пользѣ просвѣщенія во II томѣ, но въ „Перепискѣ съ друзьями“ онъ высказываетъ въ высшей степени странныя мнѣнія какъ относительно этого, такъ и относительно другихъ вопросовъ. „Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа европейскіе челоуѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову, и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ. Ты и самъ будешь дѣлать то же, когда станешь почаще выходить на работы. Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки. Если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и притомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ челоуѣку,—тогда другое дѣло. Воспитай его, какъ сына, и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу. Народъ нашъ не глупъ, что бѣжить, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной

¹⁾ Ibid., 350. Точно также Гоголь былъ и противъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Когда Костанжогло предложилъ даже деньги въ-займы крестьянамъ сосѣдняго помѣщика, чтобы они откупились у него, то крестьяне этого не пожелали; сказавши, что на волѣ они только совершенно испортятся (Сочиненія, IV, 341). Согласно съ такимъ своимъ воззрѣніемъ на этотъ вопросъ, Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что „крестьяне, исполняя дѣло помѣщичье, съ тѣмъ вмѣстѣ исполняютъ и Божіе дѣло“ (новое изданіе писемъ, III, 176; ср. Сочиненія Гоголя, IV, 118).

бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ“. ¹⁾ Точно также „въ Перепискѣ“ Гоголь вооружается противъ всякихъ усовершенствованій, изобрѣтеній. „Зачѣмъ эта скорость сообщеній? Что выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что приобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія, и что пользы въ томъ, что одинъ городъ теперь обѣднѣлъ, а другой сдѣлался толкучимъ рынкомъ, да увеличилось число праздношатающихся по всему міру?“ ²⁾ Правда, впоследствии, въ „Авторской исповѣди“, но, очевидно, уже подъ вліяніемъ рѣзкаго письма Бѣлинскаго, ³⁾ Гоголь говоритъ, что его мысль поняли невѣрно, и такъ разъясняетъ это недоразумѣніе: „Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне-земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго—это показалось мнѣ очень странно, тѣмъ болѣе, что я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умному для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу... Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное“. ⁴⁾ Но и здѣсь онъ говоритъ, что „землепашецъ нашъ всегда казался ему нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣе другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. ⁵⁾

Нѣкоторые критики, напр., Ал. Веселовскій, не считаютъ Костанжогло идеальнымъ лицомъ въ духѣ тѣхъ идей, которыя

¹⁾ Сочиненія, IV, 121—122.

²⁾ Сочиненія, IV, 151—152.

³⁾ Письмо Бѣлинскаго было послано не позже 3 іюля 1847 года Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 289, прим. 1. Надъ „Авторской исповѣдью“ Гоголь работалъ въ маѣ и іюнѣ 1847 года и при жизни его она напечатана не была.

⁴⁾ Сочиненія, IV, 244.

⁵⁾ Ibid.

исповѣдывалъ Гоголь въ концѣ своей жизни; ¹⁾ вообще Веселовскій думаетъ, что во второмъ томѣ должны были явиться люди, представляющіе смѣсь добра и зла, но и онъ указываетъ на „одиночные лучи“ свѣта, мелькающіе во второмъ томѣ: таковъ „несравненный, чудесный воспитатель Александръ Петровичъ“ (онъ былъ и въ послѣдней редакціи II тома, сожженной Гоголемъ передъ смертью, о чемъ мы узнаемъ изъ письма къ Гоголю Аксакова, въ которомъ послѣдній сдѣлалъ ему замѣчаніе относительно неестественности всего разсказа объ Александрѣ Петровичѣ); таковъ блѣдный и удрученный заботами генераль-губернаторскій чиновникъ, который беззавѣтно преданъ службѣ; таковъ, наконецъ, Муразовъ, о которомъ Ал. Веселовскій говоритъ слѣдующее: „во второмъ томѣ Гоголю хотѣлось изобразить людей добрыхъ, вѣрующихъ, живущихъ въ законѣ Божіемъ, но, кромѣ Муразова, подъ это опредѣленіе не можетъ вполнѣ подойти ни одинъ изъ героев“. ²⁾ Такимъ образомъ, и Веселовскій отмѣчаетъ присутствіе во II томѣ „Мертвыхъ Душъ“ добродѣтельныхъ, идеальныхъ лицъ. Это указаніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ перепискѣ Гоголя. Въ письмахъ 1850 г., когда второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ уже вчернѣ оконченъ и только ожидалъ послѣдняго удара рѣзца, Гоголь ясно говоритъ, что „во второй части русскій человѣкъ выступаетъ не однѣми пошлостями, но всей глубиной своей богатой природы“, ³⁾ или „русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороною, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера“. ⁴⁾ Итакъ, во второмъ томѣ, несомнѣнно, должны были явиться добродѣтельные лица, подъ влияніемъ которыхъ и начинается просвѣтлѣніе такихъ порочныхъ и свихнувшихся людей, какъ Чичиковъ, Хлобуевъ и др. Правда, мы не знаемъ вполнѣ

¹⁾ Этюды и характеристики, стр. 597.

²⁾ Ibid., 603.

³⁾ Новое изданіе писемъ, IV, 333.

⁴⁾ Ibid., 339.

содержанія второго тома въ послѣдней его формациі. Но изъ отрывка рѣчи генераль-губернатора, отрывка, который относится ко второй половинѣ 40-хъ годовъ,¹⁾ затѣмъ изъ той передѣлки, какой подвергъ Гоголь послѣ своего путешествія въ Іерусалимъ (возвратился въ Россію весною 1848 года) послѣднюю, дошедшую до насъ главу II тома „Мертвыхъ Душъ“, и наконецъ изъ тѣхъ немногихъ поправокъ, какія онъ сдѣлалъ въ первыхъ четырехъ главахъ въ послѣдніе годы своей жизни,²⁾ видно, что творческая фантазія Гоголя, создавая въ эту эпоху идеальныя лица, работала въ томъ же направленіи и тѣмъ же методомъ, что и до 1845 года, только лишь еще болѣе сгущая и усиливая краски. Это было то же резонерски-моралистическое творчество, которое не могло создавать правдивыхъ образовъ. Очевидно, основное содержаніе II т. въ первой его редакціи удовлетворяло Гоголя и въ послѣдній періодъ его работы, передѣлки же и поправки клонились только лишь къ тому, чтобы яснѣе выступила основная идея произведенія, представшая ему послѣ 1845 года въ „свѣтломъ, очищенномъ видѣ“, чтобы еще рельефнѣе обрисовалось то „душевное дѣло“, которое занимало въ это время Гоголя. Такъ передѣлка послѣдней главы, которая въ дошедшей до насъ рукописи коснулась только лишь начала ея, представляетъ совершенно новую редакцію первыхъ ея страницъ и направлена къ тому, чтобы, по возможности, ярче обрисовать всѣ тѣ приманки, которыя шли въ Россію съ Запада и губили русскаго человѣка: „наѣхали (на ярмарку) истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ—эта египетская саранча, по выраженію *Костанжогло*;“... французъ открылъ новое заведеніе, какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи воксаль.... Рѣдко гдѣ видны были бородачи (купцы)... Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками... и съ гнилыми зубами“. Купца, который по-

¹⁾ См. Сочиненія Гоголя, VII, 800.

²⁾ Ibid., IV, 564—565.

казывалъ Чичикову сукно, Гоголь иронически называетъ „европейцемъ“. ¹⁾ Въ первоначальной редакціи, при описаніи ярмарки, мы не видимъ такого преднамѣреннаго враждебнаго нерасположенія со стороны Гоголя ко всему европейскому. ²⁾ Обращаемъ вниманіе и на то, что самъ Гоголь заявляетъ свое согласіе съ мнѣніемъ Костанжогло о вредѣ западно-европейскихъ приманокъ для русскаго человѣка, хотя, конечно, не однѣ же губительныя приманки шли къ намъ съ Запада! Все это, какъ мы видимъ, является повтореніемъ идей „Переписки съ друзьями“, отъ которой Гоголь не отказался вплоть до конца своей жизни, что, между прочимъ, доказываетъ и его „Авторская исповѣдь“, въ которой онъ хотѣлъ разъяснить тѣ недоразумѣнія, какія, по его мнѣнію, возникли совершенно неосновательно по поводу его книги. Итакъ, если между воззрѣніями Гоголя, выраженными и въ его „Перепискѣ съ друзьями“, и въ его частныхъ письмахъ, мы находимъ буквальное совпаденіе съ тѣми взглядами, какіе проповѣдуютъ нѣкоторые лица, обрисованныя во II т., мы, кажется, вправѣ сказать, что самъ авторъ гласитъ ихъ устами, и можемъ, кажется безъ всякой натяжки, считать ихъ если не вполне идеальными людьми, то во всякомъ случаѣ такими, какихъ русскій человѣкъ можетъ взять себѣ за образецъ.

Подобно Костанжогло, не менѣе грустно-комическое впечатлѣніе производитъ другое добродѣтельное лицо II тома—откупщикъ Муразовъ, который будто бы нажилъ свои милліоны „самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами“, но „въ рукахъ котораго находилась почти половина Россіи“, и который, надо замѣтить, по изображенію самого же автора, безчестно пользуется своими капиталами: „съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначить, такая и остается: некому перебить“. ³⁾

¹⁾ Сочиненія Гоголя, IV, 377—378.

²⁾ Ibid., III, 381—382.

³⁾ Сочиненія, III, 354.

Не могъ, конечно, и Гоголь, при своемъ великомъ артистическомъ талантѣ, не видѣть всей ходульности такихъ образовъ,¹⁾ а другого теоретическаго содержанія для своихъ идеальныхъ лицъ онъ не имѣлъ; вотъ почему имъ и былъ сожженъ II томъ „Мертвыхъ Душъ“. Слишкомъ глубоко вкоренились въ Гоголѣ Домостроевскіе взгляды, такъ рѣзко выступившіе въ его „Перепискѣ“, чтобы онъ могъ отъ нихъ отказаться и въ концѣ своей жизни. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ Гоголь граф. Віельгорской отъ 30 марта 1849 г. по поводу „Домостроя“, въ то время только-что изданнаго: „въ Домостроѣ является не политическое устройство Россіи, но частный семейный бытъ, и въ немъ жизнь, *освященная тѣмъ свѣтомъ, которымъ она должна освѣщаться*. Въ наставленіяхъ и начертаніяхъ, какъ вести домъ свой, какъ быть съ людьми, какъ соблюсти хозяйство земное и небесное, кромѣ живости подобныхъ обычаевъ старины, *поражаютъ глубокая опытность жизни и полнота обниманія всѣхъ обязанностей, какъ сохранить домоправителю образъ благости Божіей въ обращеніи со всѣми; какъ быть его женѣ и хозяйкѣ дома съ мужемъ, съ дѣтьми, съ слугами и съ хозяйствомъ; какъ воспитать дѣтей, какъ воспитать слугъ...*“ И Гоголь рекомендуетъ граф. Віельгорской изучать „Домострой“, чтобы „сдѣлаться русской на самомъ дѣлѣ“. ²⁾

Сгубило Гоголя отсутствіе широкаго образованія, обладая которымъ, онъ смѣло могъ бы бороться и, конечно, поборолъ бы всѣ тѣ темныя силы, которыя къ нему привязались, и, кромѣ того, исполнилъ бы хоть отчасти ту высокую задачу, которую

¹⁾ Такъ Чичиковъ называетъ Костанжогло „загребистой лапой“; несоответствіе художественнаго образа Муразова той идеѣ, какую онъ долженъ былъ воплощать въ себѣ, мы указывали выше въ текстѣ.

²⁾ Новое изданіе писемъ, IV, 239—240.

ему подсказалъ его великій талантъ, и которой онъ не могъ совершить, стоя по своему образованію почти наравнѣ съ отцомъ Матвѣемъ. ¹⁾ *)

М. Марковский.

¹⁾ О скудости теоретическихъ воззрѣній Гоголя объ общественной жизни см. у Пыпина, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ, стр. 348—425, и въ его же Исторіи русской литературы, т. IV, стр. 475.

*) Не находимъ достаточныхъ данныхъ для этого утвержденія.
Прим. Ред.